

LUDMIŁA ŁUCEWICZ

Uniwersytet Warszawski

 ORCID: <http://orcid.org/g/0000-0002-6340-2598>**ХРИСТИАНИЗАЦИЯ РУСИ И ОПЫТЫ «ИСПОВЕДА О СЕБЕ»**

THE CHRISTIANIZATION OF RUSSIA AND THE EXPERIENCES OF "CONFESSION OF MYSELF"

The article is devoted to confession as the primary form of autobiography. The author connects the experiences of self-understanding of the ancient Russian man with the sacrament of repentance, rooted in Russia along with Christianization. Attempts at self-determination of a person are considered on the basis of three texts of *Spiritual Literacy and Confession* by Hegumen of the Joseph-Volokolamsk Monastery Euphemia Turkova, *Tales of the Life of Martyri Zelenetsky*, *Life of the Protopop Avvakum*. As the study shows, confession is almost always determined not only by the need or necessity of repentance before God, but also by attempts to comprehend one's own life, creating a "history of one's subjectivity", which includes various forms of "confessing oneself." The confessionality of Russian authors includes attempts at reflection, elements of introspection and autobiography, prayer, edification, preaching of religious morality, etc. Through the introduction of Christianity to a man of Ancient Russia, the secret of his own personality began to be revealed.

[...] вера благодатная по всей земле простерлась и до нашего народа русского дошла. [...] Вот уж и мы со всеми христианами славим Святую Троицу. [...] и уж не капище сатанинское городим, но Христовы церкви зиждим¹.

Христианизация Древней Руси в 988 г. — это явление первостепенной значимости как для укрепления русской государственности, поскольку содействовало единению земель, развитию культуры, способствовало распространению письменности и книжности, что во многом определило дальнейший вектор русского культурно-исторического развития. Приняв крещение от Византии, Русь «вступает в творческое и живое взаи-

¹ Иларион, митрополит, *Слово о Законе и Благодати*, предисл. Митрополита Иоанна (Снычева), сост., вступ. ст., пер. В. Я. Дерягина, реконстр. древнерус. текста Л. П. Жуковской, комм. В. Я. Дерягина, А. К. Светозарского. отв. ред. О. А. Платонов, Институт русской цивилизации, Москва 2011, с. 69, 71.

ХРИСТИАНИЗАЦИЯ РУСИ...

модействие со всем окружающим культурным миром»², прежде всего с «библейскими и эллинистическими истоками, которые являются общими для европейской семьи культур»³. Необходимо было освоить каноническое, авторитетно-церковное книжное наследие, без чего невозможна была церковно-христианская жизнь. Вместе с православием приходит на Русь византийское богослужение, поразившее, как известно, великолепием своего церемониального и литургического символизма⁴ русских послов, отправленных кн. Владимиром в Царьград (987 г.) для «испытания» греческой веры. *Повесть Временных лет* (ок. 1110–1118) сообщает о пережитом послами впечатлении:

И пришли мы в Греческую землю, и ввели нас туда, где служат они Богу своему, и не знали — на небе или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом, — знаем мы только, что пребывает там Бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах⁵.

Само крещение князя Владимира символически закреплено митрополитом Иларионом в *Слове о законе и благодати* (между 1037 и 1050):

вместе с одеждами ветхого человека, отложил тленное, отряс прах неверия — и вошел в святую купель, и возродился от Духа и воды: во Христа крестившись, во Христа облекся; и вышел из купели убеленный, став сыном нетления, сыном воскресения⁶.

В святоотеческом толковании «ветхий человек» уподобляется ветхозаветным грешникам, новый же человек отвращается от греха и обновляется в познании по образу Христа. Для того и пришел сын Божий, учит св. Макарий Великий (ок. 300–391), чтобы «верующих в Него сделать новым умом, новой душой,

² Г. В. Флоровский, *Пути русского богословия*, отв. ред. О. Платонов, Институт русской цивилизации, Москва 2009, с. 16.

³ С. С. Аверинцев, *Крещение Руси и пути русской культуры // Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси*, сб. ст., сост. М. Назаров, Столица, Москва 1991, с. 53.

⁴ См. подробнее: Н. J. Schulz, *The Byzantine Liturgy: Symbolic Structure and Faith Expression*, Pueblo Publishing Company, New York, 1986; Р. Ф. Тафт, *Византийский церковный обряд. Краткий очерк*, пер. с англ. А. А. Чекаловой, послесл. В. М. Лурье, Алетейя, С-Петербург 2000.

⁵ *Повесть Временных лет по Лаврентьевскому списку 1377 года*, пер. Д. С. Лихачева, Вита Нова, С-Петербург 2012, с. 74.

⁶ Иларион, митрополит, *Слово о Законе и Благодати...*, с. 85.

новыми очами, новым слухом, новым языком духовным, одним словом — новыми людьми»⁷.

На Руси постепенно переводятся с греческого языка Четвероевангелие, Апостол, Псалтирь, Песнь Песней, Служебные минеи, Григорий Богослов, Иоанн Лествичник, Никон Черногорец, псевдо-Афанасий, жития Антония Великого, *Синайский патерик*, Василий Великий, Исаак Сирий, авва Дорофей, Григорий Синаит, Григорий Палама, Симеон Новый Богослов, Иоанн Златоуст и др. Возрастает религиозная образованность.

Богослужение, будучи одним из самых фундаментальных проявлений человеческой религиозности, включает в себя разветвленную систему ритуальных действий, подчиненных определенным нравственным принципам и направленных на установление связи человека с Богом. Христианское богослужение базируется на евангелических идеях воплощения Христа, его крестных мук, страданий, смерти, воскресения, вознесения и пр. Через участие в церковном богослужении христиане символически приобщаются к божественной жизни. При этом порядок богослужения строго регламентирован. Он включает божественную литургию, таинства (крещение, миропомазание, покаяние, причащение, венчание, елеосвящение, священство); строй суточной службы (утреня, вечерня, всенощное бдение и часы), литургический год с его календарем фиксированных и подвижных циклов празднеств, постов и памятей святых; ряд таких служб или последований, как освящение вод, плодов и т. п.; освящение церкви, отчитывание бесноватых, монашеский постриг и т.д. Все службы в православной церкви совершаются согласно богослужебным книгам, закрепленных традицией.

В Киевской Руси XI–XII века, — пишет Виктор Живов, — покаянная дисциплина была в своих главных элементах такой же, как и в Византии того же периода. Из Византии большинство этих элементов и было заимствовано. Тайная исповедь была вполне утвердившейся практикой⁸.

Участвуя в богослужении, православный христианин учится «памятованию Божьему». «Существо дела в том, — наставляет Феофан Затворник (1815–1894), — чтоб „установиться в памяти

⁷ *Наставления святого Макария Великого о христианской жизни, выбранные из его бесед // Добротолюбие*, в 5 т., в рус. пер. святителя Феофана, Сибирская Благовонница, Москва 2010, т. 1, с. 91.

⁸ В. М. Живов, *Русский грех и русское спасение*, стенограмма лекции 13 августа 2009 г. <http://polit.ru/article/2009/08/13/pokojanije/> (28.01.2020)

Божией или ходить в присутствии Божиим», а «хождение в памяти Божией, суть наш труд», плод которого — «собрание мыслей, благоговение и страх Божий, память смертная, умирение помыслов и некоторая теплота сердечная»⁹. Во всех жизненных обстоятельствах христианин, остерегаясь греха, должен мысленно ставить себя пред ликом Божиим. Богословское понимание Христа как совершеннейшей личности непосредственно связано с самосознанием человека, с идеей его собственной личности. Богословское исповедничество убеждает человека в том, что он есть личность, созданная по образу Творца, отличная от всего, существующего в мире. Размышляя о Боге, человек размышляет и о себе самом, его религиозное сознание включается в его самосознание как таковое. По словам Георгия Флоровского, «богословское исповедничество приобретает особенную важность как воцерковление мысли и воли, как живое вхождение в разум истины»¹⁰.

Частью церковной жизни средневекового русского человека, наряду с другими таинствами, становится покаяние. Типология грехов, разработанная отцами церкви, включала грехи против Бога и Церкви, грехи против ближних, плотские грехи и проч.¹¹. Поскольку «покаяние есть познание грехов своих»¹², то оно соответственно предполагает самонаблюдение, осознание своего собственного греха, опыт «самообъективации», что согласно Михаилу Бахтину, «закрепляется в самоотчете-исповеди, с его просительной обращенностью вовне себя, к богу», тогда «с покаянными тонами сплетаются тона просительно-молитвенные»¹³. Только через осмысление греховного прошлого, а затем через личное исправление, изменение ума, перемену жизни, возможно воссоединение с Богом. Эта, требуемая таинством, сосредоточенность на себе, осмысление своих поступков, помыслов, отношений и проч. обуславливает становление некоего первичного, зафиксированного собственным сознанием

⁹ Феофан Затворник, *Собрание писем*, вып. I, Правило веры, Москва 2000, с. 17–18.

¹⁰ Г. В. Флоровский, *Пути русского богословия...*, с. 12.

¹¹ См.: Киприан (Керн), *Православное пастырское служение*, изд. журнала «Вечное», Париж, 1957.

¹² Симеон Новый Богослов, преп., *Творения*, т. 2, пер. с новогреч. еп. Феофана, изд. 2, вып. 2, тип. И. Ефимова, Москва 1890, с. 174.

¹³ М. М. Бахтин, *Эстетика словесного творчества*, сост. С. Г. Бочаров, примеч. С. С. Аверинцев, С. Г. Бочаров, Искусство, Москва 1979, с. 126.

и памятью, автобиографизма как «исповедания о себе самом». Михаил Бахтин подчеркивал: «на исповедальной основе [...] появляются первые биографические ценности», «исповедальный тон часто врывается в биографическое самодовление жизни и ее выражение»¹⁴ в литературе. Виктор Живов также отмечал: «исповедь порождает эмбриональный биографический нарратив, который, в свою очередь, является одним из основных инструментов конструирования личности»¹⁵. Опыты исповедального автобиографизма зафиксированы в русской средневековой литературе на раннем этапе ее существования¹⁶.

В целом проблематика исповедального слова обусловлена сутью человека с его чувствами, мыслями, поступками и проч. Исповедальность может включать попытки рефлексии, элементы самоанализа и автобиографизма, молитвенность, назидание, проповедь религиозной нравственности и проч. Через приобщение к христианству человеку Древней Руси стала приоткрываться тайна собственной личности.

Исповедно-покаянная тональность¹⁷, наряду с автобиографическими элементами и личностными оценками¹⁸, проникает в древнерусскую книжность, присутствуя в той или иной степени в произведениях разных жанров — в житиях, духовных завещаниях, поучениях, хождениях, притчах, словах, посланиях, грамотах и др.¹⁹ Древнерусский автор, как известно, в значительно

¹⁴ М. М. Бахтин, *Эстетика словесного творчества...*, с. 131.

¹⁵ В. М. Живов, *Русский грех и русское спасение...*

¹⁶ См. подробнее: Л. Г. Дорофеева, «Поучение» Владимира Мономаха как исповедь-самоотчет: к проблеме интерпретации // «Вестник Российского государственного университета им. И. Канта», вып. 8: сер. Филологические науки, Калининград, 2010, с. 97–101; её же, *Человек смиренный в агиографии Древней Руси (XI — первая треть XVII века)*, Аксиос, Калининград, 2013.

¹⁷ Традиция изучения покаянных текстов русского Средневековья (вопросники, поновления, епитимийные правила) как первичных жанров, заложенная в XIX в. проф. А. И. Алмазовым, развивается до настоящего времени. См.: М. В. Корогодина, *Исповедь в России в XIV–XIX вв. Исследование и тексты*, Дмитрий Буланин, С-Петербург 2006.

¹⁸ См. об этом подробнее: Е. Л. Конявская, *Авторское самосознание древнерусского книжника XI — середины XV века*, Языки русской культуры, Москва 2000; А. В. Архангельская, *Проблема автора в древнерусской литературе // Автор как проблема теоретической и исторической поэтики*: сб. научн. ст.: в 2 ч., РИВШ, Минск, 2007, ч. 1, с. 156–161.

¹⁹ См.: А. Н. Степина, *Формально-содержательные модели исповеди в древнерусской литературе*, автореф. ... канд. филол. наук, Москва 2012. Автор выделяет такие формально-содержательные модели литературной исповеди,

меньшей степени, чем его средневековый западноевропейский собрат, «исповеда о себе». Тщательно отбирая книги для переводов и переписывания, книжник исходил из того, что для христианина «почитанье книжное» есть высокая добродетель, приводящая к Истине — к Богу. Чтение книг Священного Писания равнозначно процессу общения с Богом. Св. Книги, созданные по благодати Божией, являются высшим духовным авторитетом и поэтому никак не могут выражать какие-либо личные суждения переписчика. Дмитрий Буланин, изучив отношение древнерусских книжников к писательскому труду, пришел к заключению, что «с точки зрения средневекового человека культура не знает старения, это сумма вечных и вневременных идей, а призвание писателя — передать, сообщить эти идеи», поэтому авторская анонимность является «эстетической установкой древнерусских писателей»²⁰. Для древнерусского книжника важнее вписаться в христианскую традицию, чем заявить о себе; «лишь очень немногим случалось сообщать [...] сведения о событиях своей жизни»²¹.

Вместе с тем Андрей Ранчин указывает на «автобиографический пласт» «в памятниках церковной традиции» XIV–XVI вв.²², в частности, в рассказе Лазаря Муромского (конец XIV века),

как «исповедь-проповедь, исповедь-самовыражение, исповедь-автобиография, исповедь-эстетическая игра» (с. 5). Однако следует иметь в виду, что рассматриваемые произведения: сочинения Владимира Мономаха, *Слово о полку Игореве*, *Летописные повести о походе князя Игоря*, *Послание Климента Смолятича*, *Притча о человеческой душе...* Кирилла Туровского, *Поучение Моисея к простой чади*, *Послание Якова-черноризца к князю Дмитрию Борисовичу*, *Моление (Слово — в другой редакции) Даниила Заточника*, *Житие...* протопопа Аввакума (с. 4), литературными исповедями не являются, поэтому можно говорить лишь о неких намекающихся исповедальных элементах, тенденции, но не о «модели» жанра, предполагающей наиболее устойчивый, заверченный и целостный тип высказывания.

²⁰ Д. М. Буланин, *О некоторых принципах работы древнерусских писателей // Труды Отдела древнерусской литературы*, отв. ред. Д. С. Лихачев, Наука, Ленинградское отделение, Ленинград 1983, т. 37, с. 5, 6.

²¹ О. Е. Кошелева, «Свое детство» в Древней Руси и в России эпохи Просвещения (XVI–XVIII вв.), УРАО, Москва 2000, с. 9.

²² А. М. Ранчин, *Автобиографические повествования в русской литературе второй половины XVI–XVII вв. (Повесть Мартирия Зеленецкого, «Записка» Елеазара Анзерского, жития Аввакума и Епифанья) // Автопортрет славянина*, редкол.: Л. А. Софронова, Т. И. Чепелевская, РАН, Ин-т славяноведения, Индрик, Москва 1999, с. 21.

духовных завещаниях Евфросина Псковского (XV век) и Герасима Болдинского (до 1554 г.), повести Мартирия Зеленецкого (1570–1596 гг.), сказании Елеазара Анзерского (1636–1656 гг.), житии Аввакума (1672–1675 гг.) и некоторых других. Евгений Сарин обнаруживает «автобиографический дискурс в агиографических, эпистолярных и гомилетических памятниках ранней русской средневековой литературы»²³ XI–XIII вв. Автобиографизм (как синонимы могут употребляться такие понятия, как автобиография, автобиографическое начало, личностные элементы и проч.) в древнерусской книжности — большая и серьезная проблема, давно и плодотворно обсуждаемая в научной литературе, хотя так и не получившая однозначного решения до сегодняшнего дня.

Далее кратко отмечу некоторые «следы» т.н. исповедального автобиографизма.

«ДУХОВНАЯ ГРАМОТА И ИСПОВЕДЬ» ИГУМЕНА ЕВФИМИЯ ТУРКОВА

Исповедание и покаяние, глаголати и заутра и в вechере, пред иконою Владычня образа и пред крестом Христовых страстей, во умилении, со слезами²⁴.

Исповедальность как некая попытка самоопределения человека обнаруживается в замечательном памятнике XVI в. — *Духовной грамоте и исповеди* игумена Иосифо-Волоколамского монастыря Евфимия Туркова (ум. в 1587 г.). Произведение это — своего рода духовное завещание церковного иерарха, религиозно-нравственное, назидательное обращение к монастырскому монашеству. Один из первых исследователей «грамоты» Евфимия — Василий Ключевский, по поводу текста и его составителя заметил следующее:

В довольно обширной исповеди автор изложил свои предсмертные размышления и несколько черт из своей жизни. Евфимий пишет просто, но

²³ Е. И. Сарин, *Автобиографический дискурс в литературе Древней Руси XI–XIII веков (жития, поучения, послания)*, дисс. [...] канд. филол. наук, Брянск 2014, с. 12.

²⁴ Е. Турков, *Духовная грамота вкратце, и исповедь*, публ. Н. С. Демкова, *Духовная грамота волоколамского книжника XVI в. Евфимия Туркова // Труды Отдела древнерусской литературы*, т. 51, отв. ред. Д. С. Лихачев, Дмитрий Буланин, С-Петербург 1999, с. 351.

его изложение проникнуто теплым чувством и обличает в авторе литературный талант²⁵.

Сравнительно недавно «Духовная грамота» была введена в научный оборот Натальей Демковой²⁶. Как указывает исследовательница, текст в целом состоит из пяти частей: 1. *Духовная грамота вкратце*; 2. *Исповедание и покаяние*; 3. *Обращение Евфимия к «духовному отцу»*; 4. *Исповедь по вся дни вкратце*; 5. *Обращение Евфимия к читателям духовной грамоты и исповеди*²⁷. Основное содержание всего произведения определяется покаянием в грехах перед *памятью памяти «смертного часа»*.

Духовная грамота открывается вступлением, представляющим собой исповедание Символа веры, где книжнику важно подтвердить свою веру в единого Бога, в Сына Его Иисуса Христа, Святого Духа — в «святую единосущную и животворящую и неразделимую Троицу»²⁸. Самая же исповедь начинается ритуально-этикетной, уничижительной автохарактеристикой:

Аз, многогрешный и недостойный и нечистый, окаанный раб владыки моего Христа, прогневавший Создателя моего многими моими злыми делы и словесы и помышлении, непотребный и неключимый в человецах, и пръвый в грешницех и последний в иноческом чину, и в братстве худейший и немощный, малоумный и малодушный, скверный иерей быв, по благодати великого Бога и Спаса нашего, паче же и недостойне, дръзнув на такавый великий степень священничества и начальства, пастырства и игуменства велика [...]. Таков сый страстный аз, грешный Еуфимий, худый, немощный душею и телом, не вем, како имиже весть Бог неизреченными его судьбами и несказанным смотрением, а не тако просто, якоже прилучися, возведен бысть на такового степени начальство [...]²⁹.

Кающийся Евфимий, как видно из автопрезентации, — *многогрешный и недостойный и нечистый, окаанный раб*; с многими злыми делы и словесы и помышлении; *непотребный и неключимый; пръвый в грешницех и последний в иноческом чину; худейший и немощный, малоумный и малодушный, скверный; страстный, грешный, худый, немощный душею и тело и проч.*³⁰. Самоуничижение Евфимия, несомненно, свидетель-

²⁵ В. О. Ключевский, *Древнерусские жития святых как исторический источник: исследование*, изд. К. Солдатенкова, Москва 1871, с. 296–297.

²⁶ Е. Турков, *Духовная грамота вкратце, и исповедь...*, с. 345–356.

²⁷ Там же, с. 343.

²⁸ Там же, с. 345.

²⁹ Там же, с. 345–346.

³⁰ Елена Конявская по другому поводу заметила, что для древнерусского автора самоуничижение, несомненно, включает в себя искреннее покая-

ство его искреннего раскаяния, покаяния, но вместе с тем это и сознательно избранная, традиционно выстроенная позиция предстояния монаха пред ликом Божиим. При этом этикетном, явно нарочитом, самоуничижении кающегося грешника, релятивности его покаяния в целом, Евфимий вводит в исповедь некоторые автобиографические элементы. Он, например, упоминает о том, как братия монастыря и сам великий князь Иван Васильевич просили его занять место настоятеля:

отцы и братия обители сеа понуждающе мя прияти начальство по многа время и възвестиша о мне самодержьцу [...] князю Ивану Васильевичю всеа Руси. Он же [...] начат ко мне кротце глаголати и понуждати мою худость восприяти начальство великиа обители сеа и мудрыми и тихыми глаголы увещаваа мя [...]³¹.

Причем вначале Евфимий отказался от почетного назначения: «неможение свое царю извещающу, душевное и телесное»³², но по истечении некоторого времени согласился стать настоятелем монастыря, чтобы «не преслушати царьскаго повеления»³³.

Основное пространство исповеди посвящено авторским размышлениям о смерти, о Страшном суде, о страхе перехода в иную жизнь. Осознание смерти как неизбежной трагической участи каждого человека не лишает человека страха; именно перед этой неотвратимой необходимостью человек наиболее остро чувствует, что столь желанная жизнь — это всего лишь хрупкое и мимолетное благо. Когда Евфимий с приближением старости ощутил власть смерти над собой, он воспринял смерть в образе враждебной силы — «татя» — вора, похитителя его дней, его жизни.

Виждю убо час смерти душа мояа приходящ, лета исчезающа и конец приближающся, и старость жатву мою преклоншуся и к резанию нудящу мя, жателя моего тщащася, серп показующа, секиру носяща, и отсечение поведающа. Зрю татя, приближающася и от житиа возхитити мя тщащася. Зрю, яже о себе неизсправлена, и на всяк день на хужшее успевающа. Зрю исход житиа к тамошным и долгий путь, по нему же николи же ходах, и себе спут-

ние и вместе с тем это художественный прием, с помощью которого достигается необходимый эффект достоверности человеческой малости, незначительности в предстоянии пред ликом Божьим // Е.Л. Конявская, *Авторское самосознание древнерусского книжника (XI–середина XV в.)*, Языки русской культуры, Москва 2000, с. 58.

³¹ Е. Турков, *Духовная грамота вкратце, и исповедь...*, с. 346.

³² Там же, с. 346.

³³ Там же, с. 347.

наа не имуща. Зрю должника моего приближившася, себе же обнищавша. Зрю уставное ми время скончавающееся и в недоумении мя постигша. Зрю словоположника, рукописание грехов моих разгибающа и зубы скрежещуща на мя. Зрю многыдосадителя, ни единого же спострадателя, и душою и сердцем зело смущаюся и устрашаюся, и подвижуся, съдръзаюся, и сотрясаюся, и не вем, что содеати и что помыслити!³⁴.

Смерть тяготееет над человеком как некое наказание, ее власть свидетельствует о присутствии греха в мире, вот почему Евфимий инстинктивно видит в ней кару за грехи. Вместе с тем страх смерти имеет спасительную силу для души. Важный этап в спасении человеческой души — момент перехода в иной мир, к которому необходимо тщательно подготовиться: исповедаться, покаяться и причаститься. «Воспоминание о смерти — дар Божий», — учит Игнатий (Брянчанинов), — «[...] он дается исполнителю заповедей Христовых, чтоб усовершенить его в святом подвиге покаяния и спасения»³⁵.

В целом исповедь Евфимия насыщена различными ритуальными формами покаяния, которые — как своего рода образцы — заповеданы монашествующей братии:

согреших, съгреших с безсловесными скоты всеми составы моими, съгреших, оскверняя душу мою и тело, и бых начальник всякому злу, ленив на добраа дела, трезв же на свернаа дела, и несть конца, ни краа моим безчисленным грехом, имиже оплакан бых от аггел, имже поношение и смех бых врагом, ихже ради осужден бых различным и безконечным мукам³⁶.

По убеждению книжника, причины грехопадений, искушений, бед заключены в самом человеке. И только самоуничтожение ведет к смиренномудрию — истинной добродетели, которая открывается тому христианину, который считает себя ниже не только всех людей, но и животных, поэтому в покаянии столь очевидна высокая эмоциональность, экспрессивность, гиперболизация. Таким образом в древнерусской словесности утверждалась покаянная, исповедная традиция, включавшая в себя автобиографические элементы, личностные самооценки.

³⁴ Там же, с. 347–348.

³⁵ Игнатий (Брянчанинов), епископ, *Аскетические опыты: в 2 т.*, изд. книгопродавца И.Л. Тузова, С-Петербург 1886, т. 1, с. 169.

³⁶ Е. Турков, *Духовная грамота вкратце, и исповедь...*, с. 351.

ИСПОВЕДНЫЙ АВТОБИОГРАФИЗМ МАРТИРИЯ ЗЕЛЕНЕЦКОГО

я, грешный, стыдлив к ним был и не просил у них ничего, но во всем есм имел надежу на Живоначальную Троицу и на Пречистую Бгородицу³⁷.

Исповедный автобиографизм присутствует также в «житиях-автобиографиях» Мартирия Зеленецкого и Елеазара Анзерского. *Повесть о житии Мартирия Зеленецкого* (между 1570 и 1595) впервые полностью была издана Иваном Бычковым в известном Каталоге³⁸. Археограф дал такое описание содержания жития —

Повесть о житии преподобнаго отца Мартириа, жившаго во области Великаго Новаграда в Обонежской пятины, в Зеленой пустыни, тако нарицаемей, яже сам о себе исповеда отцу своему духовному и учеником своим: како и где жителствоваше прежде вселения его в пустыню ту, и како обрете ю, како же и вселися, и храмы созда, и обитель состави. Всели же ся он в пустыню ту при благочестивом царе и великом князе Иване Васильевиче всеа Русии самодержце и жил многие лета, преставися же в той же обители в царство Бориса Годунова³⁹.

Обращаясь к своему духовному брату Досифею, Мартирий начал свое повествование с обещания рассказать о себе: «*Повесть о себе, о еже како и где жителствовах аз прежде вселения моего в сию пустыню*»⁴⁰. И далее, действительно, сообщает некоторые факты о собственной жизни:

Жил бо есм прежде на Луках на Великих в Сергиеве монастыре, в новоначалном месте, у строителя тоя обители священноинока Боголепа. В той же обители аз власов отъятие и мира отречение сотворих и восприях святей ангельский образ от руки того же священноинока Боголепа. Онем же поставлен бых келарем, и вручи мне службу казначейства и пономарства, и суды умывах, тако же и во всех службах монастырских послужил в послушании отцу своему и братии во обители оной седм лет⁴¹.

Через семь лет Мартирий и некий богомолец решили удалиться в «пустынное жителство», однако спутник не выдержал тягот

³⁷ *Повесть о житии преподобнаго отца Мартириа* // И. А. Бычков, *Каталог собрания рукописей Ф. И. Буслаева*, Синод. Тип., С-Петербург 1897, Приложение II, с. 345.

³⁸ См.: И. А. Бычков, *Каталог собрания рукописей Ф. И. Буслаева...*, с. 342–351.

³⁹ Там же, с. 137.

⁴⁰ *Повесть о житии преподобнаго отца Мартириа...*, с. 342.

⁴¹ Там же, с. 342–343.

и покинул его. Мартирий же обосновался в землянке и занялся «рукоделием»: он плел лапти из лыка и с одним «хрестьянином» отправлял их местным жителям, которые присылали ему пропитание, необходимое для жизни. Много страха претерпел он в одиночестве от бесов: «еден бес влезе в хижу мою и хотя ко мне прикоснуться, аки хотя меня удавити», но Мартирий, творя Иисусову молитву, выдержал это испытание. Как и Евфимий Турков, Мартирий в своей повести неустанно повторяет: «Аз грешный», каюсь в своей «ленности», искушениях и слабостях. Через некоторое время Мартирий написал Боголепу, прося благословения на продолжение пустынного жития. Боголеп его не благословил, а посоветовал: «Поиди, господине, жити во общее житие». Тогда Мартирий отправился в Тихвинский монастырь; по пути он зашел поклониться святыням Смоленска, где ему явились святые чудотворцы Авраамий и Ефрем и сказали: «Подобает ти жити в пустыни, где Господь благоволит»⁴². Так Мартирию суждено было стать основателем Троицкой Зеленецкой обители.

Далее в *Повести* следует «духовная памятка вкратце» (своего рода духовное завещание), обращенная к братии. Здесь уже умудренный многолетним опытом игумен Мартирий предостерегает своих подопечных от опасной зависимости от земных владык, наставляет собственным примером «установиться в памяти Божией», быть стыдливými и скромными, уповать на помощь небесную:

Братие моя милая, прошу у вас того и молю, чтобы есте не надеялися ни на князя, ни на боярина, ни на какого властеля, имели бы есте надежу во всем на Живоначальную Троицу и на Пречистую Богородицу — те вам будут во всем помощники и заступники. Имейте срам к царю земному и к его царевичу, и к властем. Не просите у них ничего, как я, грешный, стыдлив к ним был и не просил у них ничего, но во всем есм имел надежу на Живоначальную Троицу и на Пречистую Богородицу⁴³.

Наиболее обширный раздел *Повести* включает сны-видения Мартирия о чудесах Богоматери и чудотворных иконах: «Еще же живущу ми на Луках на Великих в Сергиеве монастыре с строителем Боголепом в единой келии, за седм лет до вхождения моего в сию пустыню, явися мне Пречистая Богородица образом

⁴² Там же, с. 343.

⁴³ Там же, с. 345.

своим честным не яве, но сонным видением, сице»⁴⁴. Как заметил Ранчин, сам Макарий как созерцатель чудес «обнаруживает себя в сакральном пространстве, и его переживания и ощущения [...] наделяются сакральным смыслом»⁴⁵. Исповедное, покаянно-личностное начало проявляется не столько в автобиографических фактах, хотя и они присутствуют в *Повести*, сколько в интимном переживании автором-книжником своей причастности божественным силам. Исследователи отмечают, что уже к концу XVI в. заметно «повышается интерес к человеку и его самосознанию», а это «непосредственно подготавливает появление таких памятников древнерусской литературы, как Житие Епифания и Житие Аввакума»⁴⁶.

Несомненный рост индивидуального авторского начала характерен для русской словесной культуры XVII в. Дмитрий Лихачев указывает:

Аврамий Палицын, князь Иван Хворостинин, князь Семен Шаховской пишут свои произведения о «Смуте» в целях самооправдания и самовозвеличения. У них были чисто личные причины для составления своих произведений. В их сочинения проникает элемент автобиографизма. [...] они пишут о себе и своих взглядах, оправдывают свое поведение, ощущают себя [...] в какой-то мере и мемуаистами⁴⁷.

Современный историк, развивая позиции ученого, как раз на материале *Истории в память впредидущим родом...* (1620) Авраамия Палицына, *Словес дней, и царей, и святителей московских...* (1643) Ивана Хворостинина, а также *Временника* (1610—1628) Ивана Тимофеева, предпринимает попытки последовательной реконструкции самосознания древнерусских книжников как способа внешнего самоописания человека во времени

⁴⁴ Там же, с. 346.

⁴⁵ А. М. Ранчин, *Автобиографические повествования в русской литературе второй половины XVI—XVII вв.*, с. 26.

⁴⁶ Е. В. Крушельницкая, *Повесть Мартирия Зеленецкого и автобиографическое повествование в памятниках русской литературы XIV—XVI вв.* // *Труды Отдела древнерусской литературы*, отв. ред. Д. С. Лихачев, Дмитрий Буланин, С-Петербург 1993, т. 46, с. 35, см. также: Е. В. Крушельницкая, *Автобиографические источники и их использование в памятниках житийной литературы XVI—XVII вв.*, автореф. дис. [...] канд. филолог. наук, С-Петербург 1992.

⁴⁷ Д. С. Лихачев, *Развитие русской литературы X—XVII веков*, Наука, Ленинград 1973, с. 145.

и пространстве⁴⁸. В XVII в. появляется герой, вполне осознающий себя индивидуумом, для которого значима «ценность человеческой личности»⁴⁹. Вместе с тем сама эпоха с ее главным религиозным конфликтом — расколом, выдвигает на первый план «героя действующего»⁵⁰, деятельного, автобиографического, хотя и обладающего трагедийным мирозерцанием, но готового на страдания, «мученичество за идеи „старой“, истинной веры»⁵¹, смело берущего на себя «миссию пророка и посланника Божия»⁵² в исповедании и защите «древлего благочестия».

ИСПОВЕДАНИЯ АВВАКУМА ПЕТРОВА

Сиде аз, протопоп Аввакум, верую, сиде исповедаю, с сим живу и умираю. Верую, господи, и исповедую, яко ты еси Христос сын бога живаго, пришедый в мир грешники спасти, от них же первый есм аз⁵³.

Самым ярким писателем, выразившим сложные культурные рефлексии новой «личности с ее неповторимой судьбой»⁵⁴, является Аввакум Петров (1620–1682). Его главное сочинение *Житие протопопа Аввакума, им самим написанное* (1672–1675), «генетически выросшее из исповеди»⁵⁵ — это и лите-

⁴⁸ См.: Д. И. Антонов, *Самосознание древнерусского книжника в эпоху Смуты*, автореф. дис. [...] канд. истор. наук, Москва 2006.

⁴⁹ Д. С. Лихачев, *Развитие русской литературы X–XVII веков...*, с. 146.

⁵⁰ Е. В. Крушельницкая, *К вопросу об автобиографизме в древнерусской литературе...*, с. 111.

⁵¹ О. А. Туфанова, *Творчество Аввакума: поэтика трагического // Герменевтика древнерусской литературы*, сб. 14, отв. ред. Ф. С. Капица, Рукописные памятники Древней Руси, Москва 2010, с. 12.

⁵² Н. К. Гудзий, *Протопоп Аввакум как писатель и как культурно-историческое явление // «Житие» протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения*, Асадеміа, Москва; Ленинград 1934, с. 32.

⁵³ Аввакум, *Житие протопопа Аввакума, им самим написанное*, подгот. текста и прим. А. Н. Робинсона // *Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси)*, вст. ст. Д. С. Лихачева, Художественная литература, Москва 1969, с. 630, 643.

⁵⁴ В. М. Живов, *Религиозная реформа и индивидуальное начало в русской литературе XVII века // его же, Разыскания в области истории и предьстории русской культуры*, Языки славянской культуры, Москва 2002, с. 325.

⁵⁵ Е. В. Крушельницкая, *к вопросу об автобиографизме в древнерусской литературе...*, с. 111.

ратурный образец острой идеологической борьбы («боев за благоверие»⁵⁶) русского старообрядчества с церковной и царской властью, и «первый опыт законченного психологического автопортрета в древней русской литературе»⁵⁷, и «индивидуалистическая» автобиография⁵⁸, а главное — это многогранный универсальный текст, где воплотились особенности национального характера, ментальности, самосознания и важнейшие этико-эстетические доминанты, определившие облик русской культуры.

Стоит обратить внимание на то, что *Житие* писателя было опубликовано Николаем Тихонравовым в 1861 г. — в период расцвета русской мемуаристики — под титулом: *Автобиография протопопа Аввакума*⁵⁹. Название, вольно или невольно, указывало на смыкание исповедания и автобиографии: исповедь почти всегда обусловлена не только потребностью/необходимостью покаяния перед Богом, но и попытками осмысления собственной жизни, создания «истории своей субъективности», куда входят различные «исповедания себя»⁶⁰. В *Житии* протопопа появляется новый тип личности (Владимир Кантор называет его «личность вопреки»), который отстаивает себя вопреки власти, отвечая жизнью за свое слово⁶¹.

⁵⁶ См.: М.Б. Плеханова, *О национальных средствах самоопределения личности: самосакрализация, самосожжение, плавание на корабле // Из истории русской культуры*, т. 3, Языки русской культуры, Москва 1999, с. 386.

⁵⁷ В.Е. Гусев, *Протопоп Аввакум Петров — выдающийся русский писатель XVII века // Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения*, Гослитиздат, Москва 1960, с. 36.

⁵⁸ В.М. Живов, *Религиозная реформа и индивидуальное начало в русской литературе XVII века...*, с. 327.

⁵⁹ См.: *Летописи русской литературы и древности*, изд. Н. Тихонравовым, Тип. Грачева и комп., Москва 1861, кн. III, с. 117–173.

⁶⁰ Антология *История субъективности. Древняя Русь* включает множественные «свидетельства о себе»: *Поучение Владимира Мономаха, Первое послание Андрею Курбскому* Ивана Грозного, *Повесть о житии Мартирия Зеленецкого, Сказание об Анзерском ските* Елеазара Анзерского, *Записку и Житие* Епифания, *Житие* Аввакума // *История субъективности. Древняя Русь*: антология, сост. Ю.П. Зарецкий, Академический Проект, Гаудеамус, Москва 2010.

⁶¹ См. подробнее: В.К. Кантор, *Личность вопреки: становление личности в России: история и современность*, «Октябрь», 1998, № 4, с. 112–137.

* * *

Аввакум начал свое жизнеописание в 1669 г. в ожидании близкой смерти. Он выстроил основные события *Жития* преимущественно в хронологической последовательности — «от юности до лет пятидесят пяти годов»: рождение в семье сельского священника, женитьба на сироте Анастасии; рукоположение в дьяконы, попы, протопопы; испытания во время пребывания в Лопатицах и Юрьевце-Повольском; борьба с Никоном и его церковной реформой; сибирская ссылка с невероятными лишениями, голодом, холодом, смертью двух сыновей, но и славой проповедника-мученика за старую веру; возвращение в Москву, царские милости, острые религиозные споры о догматах, заключение в монастырские темницы, лишение сана; последняя ссылка в Пустозерск. Там, в Пустозерье, по благословению своего духовника — старца Епифания, Аввакум, сидя в засыпанной землею темнице, «яко во гробе», терпя голод, холод, наготу, тяжкий труд, оскорбления и унижения, и написал главную «книгу живота вечного» (новое Евангелие) — *Житие протопопа Аввакума...*

Дмитрий Лихачев отметил в *Житии* такие признаки исповедальности, как «личностность», «самовыражение», «автобиографизм», «самосознание», связывая с ними «яркое новаторство» автора⁶². Виктор Виноградов, изучая формы стиля жизнеописания Аввакума, обратил внимание на доминирование и взаимопересечение в нем двух основных стилистических слоев: интимного сказа и евангельской проповеди. В тех эпизодах, когда «личный тон» сменяется «торжественно-обличающим или убеждающим пафосом проповедника» житие и становится «книгой живота вечного»⁶³. Николай Гудзий видит в сочинении протопопа «первый в русской литературе опыт автобиографии»⁶⁴. Андрей Робинсон считает, что «*Житие* Аввакума соединило в себе черты автобиографии, проповеди, а также

⁶² Д. С. Лихачев, *Протопоп Аввакум и развитие автобиографической литературы // История всемирной литературы: в 9 т., Наука, Москва 1983—1994, т. 4, 1987, с. 351; см. также: А. М. Панченко, Аввакум как новатор // «Русская литература» 1982, № 4, с. 142—152.*

⁶³ В. В. Виноградов, *О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума // его же, Избранные труды. О языке художественной прозы, редкол. М. П. Алексеев и др., Наука, Москва 1980, с. 9.*

⁶⁴ Н. К. Гудзий, *Протопоп Аввакум как писатель и как культурно-историческое явление..., с. 22.*

исповеди»⁶⁵ и называет *Житие* — «исповедью-проповедью»⁶⁶. Для Ольги Бахтиной *Житие* — «духовное завещание, сочетающее в себе исповедь и проповедь», «самоотчет-исповедь [...] обращенная к духовным детям и всем русским людям, с тем, чтобы вечно творилась молитва о нем и о всех страдальцах за веру, чтобы память о них навсегда сохранилась в народе»⁶⁷. Исследователи неизменно констатируют черты исповедно-исповедального дискурса: «Аввакум преодолевал грех через исповедание своей греховности, через страдание и раскаяние»⁶⁸; «автопортрет в *Житии* раскрывает [...] личное сознание»⁶⁹, «искренность — одна из самых поразительных черт этого произведения»⁷⁰; «откровенность» Аввакума проявляется во многих местах» текста⁷¹; «жанрообразующий компонент *Жития* — исповедь»⁷² и проч.

Автобиографический герой жития — «ревнитель древлего благочестия», борец за веру, страдалец, мученик — личность, по словам Лихачева, «исключительно страстная», для которой значимы как неотделимая от веры духовность (мера приближения человека к богу), так и душевные переживания, чувства, эмоции, настроения. «Ни один из писателей русского Средневековья, — отмечал ученый, — не писал столько о своих чувствах, как Аввакум»⁷³. Претерпев на своем жизненном пути множество

⁶⁵ А. Н. Робинсон, *Исповедь-проповедь (о художественности «Жития» Аввакума) // Историко-филологические исследования: сб. статей к 75-летию акад. Н. И. Конрада*, Наука, Москва 1967, с. 358–370.

⁶⁶ Там же, с. 359 (с. 358–370).

⁶⁷ О. Н. Бахтина, *Старообрядческая литература и традиции христианского понимания слова*, науч. ред. А. П. Казаркин, ТГУ, Томск 1999, с. 178, 191.

⁶⁸ См. А. Н. Робинсон, *Борьба идей в русской литературе XVII века*, Наука, Москва 1974, с. 369–390.

⁶⁹ П. Хант, *Самооправдание протопопа Аввакума // Труды Отдела древнерусской литературы*, Наука. Ленингр. отд-ние, Ленинград 1977, т. 32: Текстология и поэтика русской литературы XI–XVII вв., с. 72.

⁷⁰ А. М. Панченко, *Творчество протопопа Аввакума // История русской литературы X–XVII вв.*, под ред. Д. С. Лихачева, Просвещение, Москва 1980, Infolio, http://www.infoliolib.info/philol/lihachev/8_7.html (03.03.2020).

⁷¹ Н. С. Демкова, *Житие протопопа Аввакума: (Творческая история произведения)*, отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц, Изд-во Ленингр. ун-та, Ленинград 1974, с. 113.

⁷² А. Н. Василенко, *Исповедь как жанрообразующий компонент «Жития протопопа Аввакума» // «Религиоведение»*, Амурский государственный университет, Благовещенск 2009, № 4, с. 156–160.

⁷³ Д. С. Лихачев, *Протопоп Аввакум и развитие автобиографической литературы...*, с. 351.

бед, протопоп насытил *Житие* нескончаемыми горестями и печальями:

Ох, горе! Везде от дьявола житья нет! Прибрел к Москве, духовнику Стефану показался; и он на меня учинился печален: на што-де церковь соборную покинул? Опять мне другое горе! Царь пришел к духовнику благословитца ночью; меня увидел тут; опять кручина: на што-де город покинул? — а жена, и дети, и домочадцы, человек с двадцать, в Юрьевце остались: неведомо — живы, неведомо — прибиты! Тут паки горе». Горести сменяются надеждами на милости Господа: «даст бог пастыря ко спасению душ наших»; «надобно крепко молиться богу, да спасет и помилует нас, яко благ и человеколюбец»; «милостив господь: наказав, покаяния ради и помилует нас, прогнав болезни душ наших и телес, и тишину подаст», восхищенным удивительными деяниями Господа и прославлением его: «Дивна дела господня и неизреченны судьбы владычни! и казнить попускает, и паки целит и милует! Да что много говорить? Бог — старой чудотворец, от небытия в бытие приводит. Во се петь в день последний всю плоть человеую во мгновении ока воскресит. Да кто о том рассудити может? Бог бо то есть: новое творит и старое поновляет. Слава ему всем!⁷⁴

Автобиографический герой *Жития* представлен в разных ситуациях:

среди толпы и в кругу семьи, с единомышленниками и врагами, в царском дворце в Москве и у байкальских рыбаков, проповедующего в церкви и тянущего сани по льду Иргень-озера, вступающего в рукопашную с медведями и умиленно созерцающего пуп⁷⁵.

Он защищает свои религиозные устремления, убеждения, а также описывает свои чувства, переживания, ощущения, показывает свои слабости, падения, кается в грехах, провинностях, искушениях. Автобиографическая исповедальность пронизывает весь текст. Андрей Робинсон даже использует для его жанрового обозначения словосочетание «автобиографическая беседа-исповедь»⁷⁶. Есть в этой исповеди и особо выразительные примеры. Показателен, в частности, покаянный эпизод с «блудной девицей», исповедующейся в грехах перед протопопом, который в свою очередь и сам воспылал к ней «огнем блудным». Аввакум пишет:

⁷⁴ Аввакум, *Житие...*, с. 633–634, 634, 635, 638, 664.

⁷⁵ В. Е. Гусев, *Протопоп Аввакум Петров — выдающийся русский писатель XVII века*, <http://www.philology.ru/literature2/gusev-60.htm>. (03.03.2020)

⁷⁶ А. Н. Робинсон, *Творчество Аввакума и Епифания, русских писателей XVII века // его же, Жизнеописание Аввакума и Епифания: Исследование и тексты*, отв. ред. Н. К. Гудзий, Изд-во АН СССР, Москва 1963, с. 46.

Егда еще был в попех, прииде ко мне исповедатися девица, многими грехми обремененна, блудному делу и малакии всякой повинна; нача мне, плакавшеся, подробну возвещати во церкви, пред Евангелием стоя. Аз же, треокаянный врач, сам разболелся, внутрь жгом огнем блудным, и горько мне бысть в той час: зажег три свечи и прилепил к налою, и возложил руку правую на пламя, и держал, дондеже во мне утасло злое разжение, и, отпустя девицу, сложа ризы, помоляся, пошел в дом свой зело скорбен. Время же, яко полнощи, и пришед во свою избу, плакався пред образом господним, яко и очи опухли, и моляся прилежно, да же отлучит мя бог от детей духовных: понеже бремя тяшко, неудобь носимо. И падох на землю на лица своем, рыдаше горце и забыхся⁷⁷.

Рассказчик, как видно, кается в своем греховном влечении, описывает «способ борьбы» с ним, но и преодолевает его «через исповедание своей греховности». При этом он крайне эмоционален: плачет, молит, бросается на землю, вопит, взывает, горько рыдает и проч. — ничто не стесняет «его непомерно горячее чувство во всем, что касается человека и его внутренней жизни»⁷⁸. Поведение протопopa становится контекстуальным выражением исповедального начала в тексте. Он обращается с плачем и молитвой к Богу — ответом стало чудесное видение: Аввакум увидел «два корабля златы»⁷⁹, где находились его духовные дети, которые наставили его «на путь спасения», а затем появился и третий корабль «не златом украшен, но разными пестротами, — красно, и бело, и сине, и черно, и пепелесо». На свой вопрос «чей корабль?» Он услышал ответ: «твой корабль! на, плавай на нем с женою и детьми, коли докучаешь!». «И я вострепетах и седше рассуждаю: что се видимое? и что будет плавание?»⁸⁰. Религиозное чувство питает творческое воображение повествователя, способного бытовые реальности превращать в символы высшей истины. Переживание сопричастности к сверхъестественной полноте бытия обуславливает авторскую свободу самоопределения и выражения. Чудесный корабль и плавание символизируют жизненную судьбу Аввакума, исполненную острой

⁷⁷ Аввакум, *Житие...*, с. 631.

⁷⁸ Д. С. Лихачев, *Протопоп Аввакум и развитие автобиографической литературы...*, с. 351.

⁷⁹ См.: «Аввакум осознал свою богоизбранность, приобрел убежденность в том, что он христианский мученик». Е. П. Гурова, *Образ корабля в «Житии протопopa Аввакума»* // «Ученые записки Орловского государственного университета», серия: Гуманитарные и социальные науки, 2016, №2 (71), с. 111.

⁸⁰ Аввакум, *Житие...*, с. 631.

общественно-религиозной борьбы и реально опасного плавания по рекам и озерам Сибири. Провидческий дар — явное свидетельство того, что протопоп уподобляется библейским пророкам, получавшим откровения и видения от Бога, с помощью которых выражалась Его воля. А воля Бога трактуется Аввакумом однозначно: необходимо продолжить пастырское служение и быть готовым вместе с семьей к «пестромбудущему, — наполненному труднейшими испытаниями и светом истинной веры.

На протяжении всей своей пасторской деятельности протопоп чувствовал свое особое призвание: предстоять Богу в молитве за себя «о своих гресех» и за людские «невежества». И Аввакуму последовательно выстраивает отношения с Богом, с людьми, с самим собой. Житие призвано показать его подлинное «хождение перед Богом», когда любое дело, помысел, внутреннее движение, испытание проходит перед лицом Божиим. Аввакум испытывает себя на «страшном суде» милосердия, сострадая немощным, спасая «одержимых духом нечистым»⁸¹. Из Евангелия Аввакум знает, что нечистых духов из одержимых ими людей изгонять может не только Христос, но и Его ученики: «Господи! и бесы повинуются нам о имени Твоем» (Лк. 10: 17). И протопоп возлагает на себя эту функцию неустанной борьбы с темными силами и их изгнания⁸². «Врачевание» свое он описывает просто: пост, молитва, крест Христов, крестное знамение, елеопомазание, исповедь, причащение. В любых условиях — в сельском быту, царских палатах, в непрестанных гонениях и ссылках — Аввакум продолжает свое служение Богу и людям.

Протопоп постоянно напоминает себе и единомышленникам о неразрывной связи таинства причастия с таинством покаяния, делится опытом своего подвижнического пасторства, учит собратий молиться перед причащением святых таин, описывает главное христианское таинство — евхаристию, призывая собратий к единению с Господом:

В нашей православной вере без исповеди не причащают; [...] на всяко время покаяние искати. Аще священника, нужды ради, не получиши: и ты своему брату искусному возвести согрешение свое, и бог простит тя, покаяние твое видеи, и тогда с правилцом⁸³ причащайся святых таин. Держи при

⁸¹ Там же, с. 642.

⁸² См.: О. А. Туфанова, *Бесноватые и больные в «Житии» протопопы Аввакума* // «Лесной вестник» 2007, № 1 (50), с. 175–181.

⁸³ С молитвою.

себе запасный агнец. Аще в пути или на промыслу, или всяко прилучится, кроме церкви, воздохня пред владыкою и, по вышереченному, ко брату исповедався, с чистою совестью причастися святыни: так хорошо будет! По посте и по правиле⁸⁴ пред образом Христовым на коробочку постели платочик и свечку зажги, и в сосуде водицы маленько, да на ложечку почерпни и часть тела Христова с молитвою в воду на лошку положи и кадилом вся покади, поплакав, глаголи: „Верую, господи, и исповедую, яко ты еси Христос сын бога живаго, пришедый в мир грешники спасти, от них же первый есм аз. Верую, яко воистинну се есть самое пречистое тело твое, и се есть самая честная кровь твоя. Его же ради молю ти ся, помилуй мя и прости ми и ослаби ми согрешения моя, вольная и невольная, яже словом, яже делом, яже ведением и неведением, яже разумом и мыслию, и сподоби мя неосужденно причаститися пречистых ти таинств во оставление грехов и в жизнь вечную, яко благословен еси во веки. Аминь”. Потом, падше на землю пред образом, прощение проговори и, восстав, образы поцелуй и, прекрестясь, с молитвою причастися и водицею запей и паки богу помолись⁸⁵.

Для Аввакума молитва — обязательное условие христианской жизни, без нее теряют смысл и благочестивое поведение, и богословские размышления. «Неизвращённые» таинства, истинная вера, покаяние, сострадание и — в равной степени — благодать и добродетель открывают путь к спасению души. Аввакум как правоверный чувствует постоянное пребывание священного в многообразии привычной реальности, воспринимая обрядовую сторону церковной жизни как достоверное присутствие Божье.

Вместе с тем протопоп знает, что нельзя врачевать чужие души, не излечив свою собственную, поэтому горькие самообличения нередки на страницах жития. Протопоп признается:

зело отяготихся от кручины и размышлях в себе», обнажая свои слабости, грехи и пороки: «Не знаю, дни коротать как! Слабоумием объят и лицемерием, и лжею покрыт есм, братоненавидением и самолюбием одеян, во осуждении всех человек погибаю. и мняся нечто быти, а кал и гной есм, окаянной, прямое говно. Отовсюду воняю и душею, и телом. Хорошо мне жить с собаками и со свиньями в конурах, так же и оне воняют. Да псы и свиньи по естеству, а я чрез естество от грех воняю, яко пес мертвой, повержен на улице града. Спаси Бог властей тех, что землю меня закрыли! Себе уже воняю, злая дела творяще, да иных не соблажняю. Ей, добро так!⁸⁶

Смирение, молитва, проповедь истинной веры, ревностное исполнение своих прямых обязанностей даже в самых нечеловеческих условиях помогают сохранить жизненные силы, а осозна-

⁸⁴ После богослужения.

⁸⁵ Аввакум, *Житие...*, с. 643–644.

⁸⁶ Там же, с. 668.

ние греховности (Аввакум не устает повторять: «аз, грешный»), раскаяние, самоанализ и самоосуждение ведут к спасению. Аввакум убежден: Бог, даруя свою благодать, помогает ему выжить — и духовно, и физически.

Непрестанно истощая свою плоть суровыми постами, протопоп трактует их как свободу от власти грешного, неодухотворенного мира, как победу над своей эгоистической волей и проявление любви к Богу. Так, в период великого поста (1669 г.) заточенный в темнице Аввакум более десяти дней ничего не ел и, как вытекает из его челобитной к царю, «прииде на мя озноба зело люта, и на печи зубы моя разбило с дрожи», не мог даже молиться вслух и только «умом моим глаголящу псалмы». Тогда и произошло «чудо господне»:

распространился язык мой и бысть велик зело, потом и зубы быша велики, а се и руки быша и ноги велики, потом и весь широк и пространен под небесем по всей земли распространился, а потом бог вмести в меня небо, и землю, и всю тварь. [...] мне сын божий покорил за темничное сидение и небо и землю⁸⁷.

Сливаясь с мировым бытием в состоянии экстатической экзальтации, Аввакум начинает воспринимать все ужасы жестокого заточения как исключительное средство освобождения от земной суеты и достижения полного блаженства — «радости неизреченной»⁸⁸, обретения внутреннего единства с Христом, надежды на спасение и жизнь вечную. Его духовно-нравственное преображение совершается при содействии Божьем; он духовно сближается с Богом, уподобляется Ему. Чем выше степень уподобления и единения с Богом, тем ярче аввакумовские видения:

близ меня по праву руку ангел мой хранитель, улыскаяся, и приклоняся ко мне, и мил ся мне дея; мне же чтущу святое Евангелие не скоро и ко ангелу радость имущу, а се потом изо облака госпожа богородица яви ми ся, потом и Христос с силами многими и рече ми: «не бойся, аз есм с тобою»⁸⁹.

Претендуя на апостольство (сознательно отождествляя себя с апостолом Павлом⁹⁰), протопоп стремится подтвердить это раз-

⁸⁷ Аввакум, *Вторая половина пятой челобитной // Житие протопона Аввакума им самим написанное и другие его сочинения...*, с. 296.

⁸⁸ Там же, с. 298.

⁸⁹ Там же, с. 297.

⁹⁰ См.: А. И. Клибанов, *Протопон Аввакум и апостол Павел // Русское старообрядчество (XVII–XVIII вв.): сб. научн. трудов, вып. 2*, Археографический центр, Москва 1994, с. 12–43.

ными, данными ему благодатными дарами: видениями, пророчествами, исцелениями «бесноватых», общением с небесными силами и проч. Он ощущает себя «святым»: Христос «избра нас [...] быти нам святым»⁹¹. Вместе с тем Аввакум не раз уничижительно упоминает о своей *несмысленности, глупости, невежестве*; называет себя человеком *недостойным, грешным, треокаянным, слабоумным, лицемерным* и проч. Протопоп сокрушается: «А я, грязь, что могу зделать, аще не Христос? Плакать мне подобает о себе»⁹². Андрей Робинсон видит в этих презрительных автохарактеристиках протопопа родственную соотнесенность их внутреннего смысла, с одной стороны, с близкими Аввакуму по быту «русскими мужиками», а с другой — «с сонмом русских святых»⁹³. Присцилла Хант считает, что Аввакум осмыслял «себя как воплощение бога в человеке»⁹⁴; Наталья Демкова — «святым», а свою жизнь — путем «страдания и мученичества»⁹⁵. Сергей Демченков также отмечает, что «жизненный путь Аввакума под его пером превращается в биографию пророка и одновременно — в крестный путь Христа»⁹⁶. Андрей Ранчин подчеркивает:

у Аввакума мирское, профанное и сакральное тесно сплетены друг с другом: мирское, обыденное обнаруживает в себе высшие начала, возводится к божественному, а священное погружается в повседневность⁹⁷.

В конечном итоге именно аввакумовская пансакральность парадоксальным образом «привела к секуляризации культуры:

⁹¹ Аввакум, *Житие...*, с. 405–406.

⁹² Там же, с. 674.

⁹³ А. Н. Робинсон, *Творчество Аввакума и общественные движения в конце XVII в. // Труды Отдела древнерусской литературы*, Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом); отв. ред. Я. С. Лурье, Изд-во Академии наук СССР, Москва; Ленинград 1962, т. 18, с. 173.

⁹⁴ П. Хант, *Самооправдание протопопа Аввакума...*, с. 72.

⁹⁵ Н. С. Демкова, *Житие протопопа Аввакума...*, с. 100.

⁹⁶ С. А. Демченков, *Библейская пророческая традиция в «Житии» протопопа Аввакума (к проблеме жанра)*, автореф. дис. [...] канд. филол. наук, Омск 2003, с. 23. См. подробнее: его же, *Последний из великих пророков (библейская пророческая традиция в «Житии» протопопа Аввакума)*, Центр гуманитарных инициатив, Москва–Санкт-Петербург 2018. В монографии, состоящей из трех глав: *Пророчество как откровение и как жанр* (с. 13–66), *«Житие» протопопа Аввакума на перекрестье традиций* (с. 67–140), *Пророчество протопопа Аввакума* (с. 141–213), исследователь видит целевую установку автора *Жития* в том, что всю свою жизнь Аввакум мыслил пророчеством «конца времен» (с. 8).

⁹⁷ А. М. Ранчин, *Автобиографические повествования в русской литературе второй половины XVI – XVII вв...*, с. 28.

неразличение божественного и земного обернулось сужением сферы сакрального»⁹⁸.

Как писатель Аввакум, бесспорно, уникален: до него в русской литературе не существовало такой пронзительно-проникновенной исповедальности, никто не заявлял о себе столь экспрессивно, остро и вместе с тем определенно. Его повествование предельно эмоционально, необычайно искренно, правдиво — как на уровне выражения чувств, так и на уровне воплощения исторических фактов и житейских событий. Аввакум трактует свой жизненный путь и как некое публичное эпохальное действо, направленное на глобальную защиту истинных религиозных устоев, и как частное живое свидетельство верности православию.

REFERENCES

- Avvakum. "Vtoraya polovina pyatoy chelobitnoy." *Zhitiyeprotopopa Avvakuma im samim napisannoye i drugiye yego sochineniya*. Moskva: Academia, 1934. 293–298 [Аввакум. "Вторая половина пятой челобитной." *Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения*. Москва: Academia, 1934. 293–298].
- Avvakum. "Zhitiye protopopa Avvakuma, im samim napisannoye, podgotovka teksta i primechaniya Andreya Robinsona." *Izbornik (Sbornik proizvedeniy literatury Drevney Rusi)*. Vstupitel'naya stat'ya Dmitriya Likhacheva. Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1969 [Аввакум. "Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, подготовка текста и примечания Андрея Робинсона." *Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси)*. Вступительная статья Дмитрия Лихачева. Москва: Художественная литература, 1969].
- Averintsev, Sergey. "Kreshcheniye Rusi i puti russkoy kul'tury." *Russkoye zarubezh'ye v god tysyacheletiya kreshcheniya Rusi: sbornik statey*. Sostavitel'm. Nazarov Moskva: Stolica, 1991. 52–60 [Аверинцев, Сергей. "Крещение Руси и пути русской культуры." *Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси: сборник статей*. Составитель М. Назаров. Москва: Столица, 1991. 52–60].
- Antonov, Dmitriy. *Samosoznaniye drevnerusskogo knizhnika v epokhu Smuty*. Avtoreferat dissertatsii kandidata istoricheskikh nauk. Moskva, 2006 [Антонов, Дмитрий. *Самосознание древнерусского книжника в эпоху Смуты*. Автореферат диссертации кандидата исторических наук. Москва, 2006].
- Bakhtin, Mikhail. *Estetika slovesnogo tvorchestva*. Sostavleniye Sergey Bocharov, Sergey Averintsev i Sergey Bocharov. Moskva: Iskusstvo, 1979 [Бахтин, Михаил. *Эстетика словесного творчества*. Составление Сергей Бочаров, при-мечания Сергей Аверинцев и Сергей Бочаров. Москва: Искусство, 1979].
- Bakhtina, Ol'ga. *Staroobryadcheskaya literatura i traditsii khristianskogo ponimaniya slova*. Ed. A. P. Kazarkin. Tomsk: TGU, 1999 [Бахтина, Ольга. *Старообрядческая литература и традиции христианского понимания слова*. Ed. A. P. Kazarkin. Tomsk: TGU, 1999 [Бахтина, Ольга. *Старообрядческая литература и традиции христианского понимания слова*. Ed. A. P. Kazarkin. Tomsk: TGU, 1999].

⁹⁸ Там же, с. 36.

- рообрядческая литература и традиции христианского понимания слова. Ред. А. П. Казаркин. Томск: ТГУ, 1999].
- Bulanin, Dmitriy. "O nekotorykh printsipakh raboty drevnerusskikh pisateley." *Trudy otдела drevnerusskoy literatury*. Т. 37. Ed. D. Likhachev. Leningrad: Nauka, Leningradskoye otdeleniye, 1983. 3–13 [Буланин, Дмитрий. "О некоторых принципах работы древнерусских писателей." *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 37. Ред. Д. Лихачев. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1983. 3–13].
- Vasilenko, Alena. "Ispoved' kak zhanroobrazuyushchiy komponent 'Zhitiya protopora Avvakuma.'" *Religiovedeniye* 2009, no. 4: 156–160 [Василенко, Алена. "Исповедь как жанрообразующий компонент 'Жития протопопа Аввакума.'" *Религиоведение* 2009, no. 4: 156–160].
- Vinogradov, Viktor. "O zadachakh stilistiki. Nablyudeniya nad stilem Zhitiya protopora Avvakuma." *Izbrannyye trudy. O yazyke khudozhestvennoy prozy*. Ed. M. P. Alekseyev et al. Moskva: Nauka, 1980. 3–54 [Виноградов, Виктор. "О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума." *Избранные труды. О языке художественной прозы*. Ред. М. П. Алексеев и другие. Москва: Наука, 1980. 3–54].
- Gudziy, Nikolay. "Protopop Avvakum kak pisatel' i kak kul'turno-istoricheskoye yavleniye." "Zhitiye" protopora Avvakuma im samim napisannoye i drugoye yego sochineniya. Moskva; Leningrad: Academia, 1934. 7–59 [Гудзий, Николай. "Протопоп Аввакум как писатель и как культурно-историческое явление." "Житие" протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. Москва; Ленинград: Academia, 1934. 7–59].
- Gurova, Yelena. "Obraz korablya v 'Zhitii protopora Avvakuma.'" *Uchenyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Gumanitarnyye i sotsial'nyenauki. 2016, no. 2(71): 110–112 [Гурова, Елена. "Образ корабля в 'Житии протопопа Аввакума.'" *Ученые записки Орловского государственного университета*. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016, no. 2 (71): 110–112].
- Gusev, Viktor. "Protopop Avvakum Petrov — vydayushchiysya russkiy pisatel' XVII veka." Zhitiye protopora Avvakuma im samim napisannoye i drugoye yego sochineniya. Moskva: Goslitizdat, 1960. 5–51 [Гусев, Виктор. "Протопоп Аввакум Петров — выдающийся русский писатель XVII века." *Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения*. Москва: Гослитиздат, 1960. 5–51].
- Demkova, Natal'ya. *Zhitiye protopora Avvakuma: (Tvorcheskaya istoriya proizvedeniya)*. Ed. V. P. Adrianova-Peretts. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1974 [Демкова, Наталья. *Житие протопопа Аввакума: (Творческая история произведения)*. Ред. В. П. Адрианова-Перетц. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1974].
- Demkova, Natal'ya. "Dukhovnaya gramotavolokolamskogo knizhnika XVI v. Yevfimiya Turkova." *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Vol. 51. Ed. D. Likhachev, D. Bulanin. S-Peterburg, 1999. 345–356 [Демкова, Наталья. "Духовная грамота волоколамского книжника XVI в. Евфимия Туркова." *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 51. Ред. Д. Лихачев, Д. Буланин. С-Петербург, 1999. 345–356].
- Demchenkov, Sergey. *Bibleyskaya profeticheskaya traditsiya v "Zhitii" protopora Avvakuma (kprobleme zhanra)*. Avtoreferat dissertatsii kandidata

- filologicheskikh nauk. Omsk, 2003 [Демченков, Сергей. *Библейская пророческая традиция в "Житии" пророка Аввакума (к проблеме жанра)*. Автореферат диссертации кандидата филологических наук. Омск, 2003].
- Demchenkov, Sergey. *Posledniy iz velikikh prorokov (bibleyskaya profeticheskaya traditsiya v "Zhitii" protopora Avvakuma)*. Moskva; S-Peterburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2018 [Демченков, Сергей. *Последний из великих пророков (библейская пророческая традиция в "Житии" пророка Аввакума)*. Москва; С-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2018].
- Dorofeyeva, Lyudmila. "Poucheniye' Vladimira Monomakha kak ispoved'-samootchet: k probleme interpretatsii." *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta*. Выпуск 8. Seriya: Filologicheskiye nauki. Kaliningrad, 2010: 97–101 [Дорофеева, Людмила. "Поучение' Владимира Мономаха как исповедь-самоотчет: к проблеме интерпретации." *Вестник Российского государственного университета им. И. Канта*. Выпуск 8. Серия: Филологические науки. Калининград 2010: 97–101].
- Dorofeyeva, Lyudmila. *Chelovek smirennuyu v agiografii Drevney Rusi (XI — pervaya tret' XVII veka)*. Kaliningrad: Aksios, 2013 [Дорофеева, Людмила. *Человек смиренный в агиографии Древней Руси (XI — первая треть XVII века)*. Калининград: Аксиос, 2013].
- Feofan, Zatvornik, svyatitel'. *Sobraniyepisem*. Выпуск I. Moskva: Pravilo very, 2000 [Феофан, Затворник, святитель. *Собрание писем*. Выпуск I. Москва: Правило веры, 2000].
- Florovskiy, Georgiy. *Puti russkogo bogosloviya*. Ed. O. Platonov. Moskva: Institut russkoy tsivilizatsii, 2009 [Флоровский, Георгий. *Пути русского богословия*. Ред. О. Платонов. Москва: Институт русской цивилизации, 2009].
- Ignatiy, (Bryanchaninov), yepiskop. *Asketicheskiye opyty*. Vol. 1. S-Peterburg: Uzd. knigoprodavtsa I.L. Tuzova, 1886 [Игнатий, (Брянчанинов), епископ. *Аскетические опыты*. Т. 1. С-Петербург: Узд. книгопродавца И.Л. Тузова, 1886].
- Iarion, mitropolit. *Slovo o Zakone i Blagodati*. Foreword. Mitropolit Ioan (Snychev). Choice, foreword, transl. V. Deryagin. Ed. O. Platonov. Institut russkoy tsivilizatsii. Moskva, 2011 [Иларион, митрополит. *Слово о Законе и Благодати*. Предисл. митрополит Иоан (Снычев). Составление, вступительная статья, перевод В. Дерягин. Ред. О. Платонов. Институт русской цивилизации, Москва, 2011].
- Kantor, Vladimir. "Lichnost' vopreki: Stanovleniye lichnosti v Rossii: istoriya i sovremennost'." *Oktjabr'* 1998, no. 4: 112–137 [Кантор, Владимир. "Личность вопреки: Становление личности в России: история и современность." *Октябрь* 1998, no. 4: 112–137].
- Khant, Pristsilla. "Samoopravdaniye protopora Avvakuma." *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Vol. 32. *Tekstologiya i poetika russkoy literatury XI–XVII vv.* Leningrad: Nauka, 1977. 70–83 [Хант, Присцилла. "Самооправдание пророка Аввакума." *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 32. *Текстология и поэтика русской литературы XI–XVII вв.* Ленинград: Наука, 1977. 70–83].
- Kiprian, (Kern). *Pravoslavnoye pastyrskoye sluzheniye*. Parizh: izd. zhurnala "Vechnoye", 1957 [Киприан, (Керн). *Православное пастырское служение*. Париж: изд. журнала "Вечное", 1957].
- Klibanov, Aleksandr. "Protopor Avvakum i apostol Pavel." *Russkoye staroobryadchestvo (XVII–XVIII vv.)*. Sbornik nauchnykh trudov. Vol. 2. Moskva: Arkheo-

- graficheskiy tsentr, 1994. 12–43 [Клибанов, Александр. “Протопоп Аввакум и апостол Павел.” *Русское старообрядчество (XVII–XVIII вв.)*. Сборник научных трудов. Выпуск 2. Москва: Археографический центр, 1994. 12–43].
- Klyuchevskiy, Vasilii. *Drevnerusskiye zhitiya svyatykh kak istoricheskiy istochnik: issledovaniye*. Moskva: izdaniye K. Soldatenkova, 1871 [Ключевский, Василий. *Древнерусские жития святых как исторический источник: исследование*. Москва: издание К. Солдатенкова, 1871].
- Konyavskaya, Yelena. *Avtorskoye samosoznaniye drevnerusskogo knizhnika (XI–seredina XV v.)*. Moskva: Yazyki russkoy kul'tury, 2000 [Конявская, Елена. *Авторское самосознание древнерусского книжника (XI–середина XV в.)*. Москва: Языки русской культуры, 2000].
- Korogodina, Mariya. *Ispoved' v Rossii v XIV–XIX vv.: issledovaniye i teksty*. S-Peterburg: Dmitriy Bulanin, 2006 [Корогодина, Мария. *Исповедь в России в XIV–XIX вв.: исследование и тексты*. С-Петербург: Дмитрий Буланин, 2006].
- Kosheleva, Ol'ga. “*Svoye detstvo*” v *Drevney Rusi i v Rossii epokhi Prosveshcheniya (XVI–XVIII vv.)*. Moskva: URAO, 2000 [Кошелева, Ольга. “Свое детство” в Древней Руси и в России эпохи Просвещения (XVI–XVIII вв.)]. Москва: УРАО, 2000].
- Krushel'nitskaya, Yekaterina. “Povest' Martiriya Zelenetskogo i avtobiograficheskoye povestvovaniye v pamyatnikakh russkoy literatury XIV–XVI vv.” *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Vol. 46. Ed. Likhachev, Dmitriy and Bulanin, Dmitriy. S-Peterburg, 1993. 21–35 [Крушельницкая, Екатерина. “Повесть Мартирия Зеленецкого и автобиографическое повествование в памятниках русской литературы XIV–XVI вв.” *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 6. Ред. Лихачев, Дмитрий и Буланин, Дмитрий. С-Петербург, 1993. 21–35].
- Krushel'nitskaya, Yekaterina. “K voprosu obavtobiografizme v drevnerusskoy literature.” *Russkaya agiografiya. Issledovaniya. Publikatsii. Polemika*. Vol. 1. Ed. Semyachko, С. А. and Bulanin, Dmitriy. S-Peterburg, 2005. 102–212 [Крушельницкая, Екатерина. “К вопросу об автобиографизме в древнерусской литературе.” *Русская агиография. Исследования. Публикации. Polemika*. Т. 1. Ред. Семьячко, С. А. и Буланин, Дмитрий. С-Петербург, 2005. 102–121].
- Likhachev, Dmitriy. *Razvitiye russkoy literatury X–XVII vekov*. Leningrad: Nauka, 1973 [Лихачев, Дмитрий. *Развитие русской литературы X–XVII веков*. Ленинград: Наука, 1973].
- Likhachev, Dmitriy. “Protopop Avvakum i razvitiye avtobiograficheskoy literatury.” *Istoriya vseмирnoy literatury*. Vol. 4. Moskva: Nauka, 1987. 351–352 [Лихачев, Дмитрий. “Протопоп Аввакум и развитие автобиографической литературы.” *История всемирной литературы*. Т. 4. Москва: Наука, 1987. 351–352].
- Maかりy, Velikiy. “Nastavleniya o khristianskoy zhizni, vybrannyye iz yego besed.” *Dobrotolyubiye*. Vol. 1. Transl. From Russian by Svyatitel' Feofan. Moskva: Sibirskaya Blagovonnitsa, 2010 [Макарий, Великий. “Наставления о христианской жизни, выбранные из его бесед.” *Добротолюбие*. Т. 1. В русском переводе святителя Феофана. Москва: Сибирская Благовонница, 2010].
- Plukhanova, Mariya. “Zhitiye Yepifaniya v svete problem zhanra i traditsii.” *Gattung und Genologie der slavisch–orthodoxen Literaturen des Mittelalters*. Berlin: Dritte Berliner Fachtagung, 1988 [Плюханова, Мария. “Житие Епифания в свете проблем жанра и традиции.” *Gattung und Genologie der slavisch–orthodoxen Literaturen des Mittelalters*. Berlin: Dritte Berliner Fachtagung, 1988].

- Plyukhanova, Mariya. "O natsional'nykh sredstvakh samoopredeleniya lichnosti: samosakralizatsiya, samosozhzheniye, plavaniye na korable." *Iz istorii russkoy kul'tury*. Vol. 3. Moskva: Yazyki russkoy kul'tury, 1999. 381–459 [Плюханова, Мария. "О национальных средствах самоопределения личности: самосакрализация, самосожжение, плавание на корабле." *Из истории русской культуры*. Т. 3. Москва: Языки русской культуры, 1999. 381–459].
- Panchenko, Aleksandr. "Tvorchestvo protopopa Avvakuma." *Istoriya russkoy literatury X–XVII vv.* Ed. Likhachev, Dmitriy. Moskva: Prosveshcheniye, 1980 [Панченко, Александр. "Творчество протопопа Аввакума." *История русской литературы X–XVII вв.* Ред. Лихачев, Дмитрий. Москва: Просвещение, 1980] <http://www.infolib.info/philol/lihachev/8_7.html>.
- Panchenko, Aleksandr. "Avvakum kak novator." *Russkaya literatura*, 1982, no. 4: 142–152 [Панченко, Александр. "Аввакум как новатор." *Русская литература*, 1982, no. 4: 142–152].
- Povest' Vremennykh let po Laurent'yevskomu spisku 1377 goda.* Transl. Likhachev, Dmitriy. S-Peterburg: Vita, 2012 [*Повесть Временных лет по Лаврентьевскому списку 1377 года.* Пер. Лихачев, Дмитрий. С-Петербург: Вита Нова, 2012].
- Povest' o zhitiy prepodobnago ottsa Martiria.*" *Katalog sobraniya rukopisey F.I. Buslayeva.* Bychkov, Ivan. Prilozheniye II. S-Peterburg: Sinod. Tip, 1897. 342–351 ["Повесть о житии преподобного отца Мартирия." *Каталог собрания рукописей Ф. И. Буслаява.* Бычков, Иван. Приложение II. С-Петербург: Синод. Тип, 1897: 342–351].
- Ranchin, Andrey. "Avtobiograficheskiye povestvovaniya v russkoy literature vtoroy poloviny XVI–XVII vv. (Povest' Martiriya Zelenetskogo, 'Zapiska' Yeleazara Anzerskogo, zhitiya Avvakuma i Yepifaniya)." *Avtoportret slavyanina.* Ed. Sofronova, Lyudmila et al. Moskva: Indrik, 1999: 21–42 [Ранчин, Андрей. "Автобиографические повествования в русской литературе второй половины XVI–XVII вв. (Повесть Мартирия Зеленецкого, 'Записка' Елеазара Анзерского, жития Аввакума и Епифания)." *Автопортрет славянина.* Ред. Софронова, Людмила и другие. Москва: Индрик, 1999: 21–42].
- Robinson, Andrey. "Tvorchestvo Avvakuma i obshchestvennyye dvizheniya v kontse XVII v." *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury.* Vol. 18. Ed. Lur'ye, Yakov. Moskva, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1962: 149–175 [Робинсон, Андрей. "Творчество Аввакума и общественные движения в конце XVII в." *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 18. Ред. Лурье, Яков. Москва, Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1962: 149–175].
- Robinson, Andrey. "Tvorchestvo Avvakuma i Yepifaniya, russkikh pisateley XVII veka." *Zhizneopisaniya Avvakuma i Yepifaniya: issledovaniye i teksty.* Ed. Gudziy, Nikolay. Moskva: Izd–Vo AN SSSR, 1963: 3–135 [Робинсон, Андрей. "Творчество Аввакума и Епифания, русских писателей XVII века." *Жизнеописание Аввакума и Епифания: исследование и тексты.* Ред. Гудзий, Николай. Москва: Изд–во АН СССР, 1963: 3–135].
- Robinson, Andrey. "Ispoved'-propoved' (o khudozhestvennosti 'Zhitiya' Avvakuma)." *Istoriko-filologicheskiye issledovaniya.* Sbornik statey k 75–letiyu akademika N. I. Konrada. Moskva: Nauka, 1967: 358–370 [Робинсон, Андрей. "Исповедь–проповедь (о художественности 'Жития' Аввакума)." *Историко-филологические исследования.* Сборник статей к 75–летию академика Н. И. Конрада. Москва: Наука, 1967: 358–370].

- Robinson, Andrey. *Bor'ba idey v russkoy literature XVII veka*. Moskva: Nauka, 1974 [Робинсон, Андрей. *Борьба идей в русской литературе XVII века*. Москва: Наука, 1974].
- Sarin, Yevgeniy. *Avtobiograficheskiy diskurs v literature Drevney Rusi XI–XIII vekov (zhitiya, poucheniya, poslaniya)*. Diss. kandidata filologicheskikh nauk. Vryansk, 2014 [Сарин, Евгений. *Автобиографический дискурс в литературе Древней Руси XI–XIII веков (жизня, поучения, послания)*. Дисс. кандидата филологических наук. Брянск, 2014].
- Simeon Novyy Bogoslov, prepodobnyy. *Tvoreniya*. Vol. 2. Transl. from New Grecian yepiskop Feofan. Izdaniye 2. Vyr. 2. Tipografiya I. Yefimova. Moskva, 1890 [Симеон Новый Богослов, преподобный. *Творения*. Т. 2. Пер. с новогреческого епископа Феофана. Издание 2. Вып. 2. Типография И. Ефимова. Москва, 1890].
- Stepina, Alena. *Formal'no-soderzhatel'nyye modeli ispovedi v drevnerusskoy literature*. Avtoreferat kandidata filologicheskikh nauk. Moskva, 2012 [Степина, Алена. *Формально-содержательные модели исповеди в древнерусской литературе*. Автореферат кандидата филологических наук. Москва, 2012].
- Taft, Robert. *Vizantiyskiy tserkovnyy obryad. Kratkiy ocherk*. Transl. from English A. Chekalova. Poslesloviye Lur'ye, Vadim. S-Peterburg: Aleteya, 2000 [Тафт, Роберт. *Византийский церковный обряд. Краткий очерк*. Пер. с английского А. Чекаловой. Послесловие Лурье, Вадим. С-Петербург: Алетея 2000].
- Tikhonravov, Nikolay. *Letopisi russkoy literatury i drevnosti*. Kniga III. Moskva: Izdaniye tipografii Gracheva i kampanii, 1861. 117–173 [Тихонравов, Николай. *Летописи русской литературы и древности*. Книга III. Москва: Издание типографии Грачева и кампании, 1861. 117–173].
- Tufanova, Ol'ga. "Besnovatyye i bol'nyye v 'Zhitii' protopopa Avvakuma." *Lesnoy vestnik* 2007, no. 1(50): 175–181 [Туфанова, Ольга. "Бесноватые и больные в 'Житии' протопопа Аввакума." *Лесной вестник* 2007, no. 1(50): 175–181].
- Tufanova, Ol'ga. *Tvorchestvo Avvakuma: poetika tragicheskogo.* *Germenevtika drevnerusskoy literatury*. Sbornik 14. Ed. Kapitsa, Fedor. Moskva: Rukopisnyye ramyatniki Drevney Rusi, 2010. 9–140 [Туфанова, Ольга. "Творчество Аввакума: поэтика трагического." *Герменевтика древнерусской литературы*. Сборник 14. Ред. Капица, Федор. Москва: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. 9–140].
- Zaretskiy, Yuriy. *Istoriya sub'yektivnosti. Drevnyaya Rus'*. Antologiya. Moskva: Akademicheskii Proyekt Gaudeamus, 2010 [Зарецкий, Юрий. *История субъективности. Древняя Русь*. Антология. Москва: Академический Проект Гаудеамус, 2010].
- Zhivov, Viktor. *Russkiy grekh i russkoye spaseniye*. Stenogramma lektzii 13 avgusta 2009 [Живов, Виктор. *Русский грех и русское спасение*. Стенограмма лекции 13 августа 2009 г. <<http://polit.ru/article/2009/08/13/pokojanije/>>].
- Zhivov, Viktor. "Religioznaya reforma iindividual'noye nachalo v russkoy literature XVII veka." *Razyskaniya v oblasti istorii i predystorii russkoy kul'tury*. Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2002 [Живов, Виктор. "Религиозная реформа и индивидуальное начало в русской литературе XVII века." *Разыскания в области истории и предьстории русской культуры*. Москва: Языки славянской культуры, 2002].